Логинов Святослав Владимирович

Голубое платье

ЛитВек

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Больше всего я люблю безумные тексты и это один из них. Читатели, знающие, как много я написал сумасшедших отрывков из мемуаров, решат, что это ещё один невероятный кусочек жизни. Они будут правы, поскольку здесь нет ни единой строчки вымысла, всё как есть, чистая правда. Другие скажут, что перед ними фантастический рассказ, и тоже будут правы, ведь вся наша жизнь — один фантастический рассказ. Есть и такие, кто скажет, что ваш покорный слуга окончательно впал в маразм. Пожелаю им подольше пребывать в этом заблуждении. И всем приятного чтения. Святослав ЛОГИНОВ

- Святослав Логинов
  - ○

Святослав Логинов
Голубое платье

Шестьдесят лет просквозили, словно одна неделя.

Я, шкет, первоклассник, топаю по мосту Лейтенанта Шмидта. Как меня туда занесло? Обычно я еду через мост на двадцать шестом трамвае, а тут вдруг — пешком. Всё в мире хорошо, да что-то нехорошо, именно в эту пору я читал подобную фразу у Гайдара. Прохожий замертво упал на тротуаре — никому нет дела. Легковой автомобиль пробивает перила моста и падает в Неву — ни один человек даже не оборачивается. Получается, что только я вижу разлитую над городом беду.

Если глянуть направо, то там, где глаз привык видеть портальные краны Адмиралтейского завода, высится уродливое сооружение. Словно три гигантских кубика криво поставлены друг на друга. Тёмно-серые, без единого окна или иного просвета, они торчат, уродуя город своей бессмысленностью. Именно от этого строения разливается безнадёжное чувство обречённости.

Я уже не думаю, куда шёл, а сворачиваю на набережную Красного Флота и бегу туда, где высится уродское строение. Не знаю как, но я пробираюсь на строительную площадку Работы там почти закончены, но на площадке никого нет… — выходной, что ли? Последним аккордом мещанской пошлости должен стать жирно позолоченный шар, метров десяти в диаметре, который, насколько можно судить, собираются водрузить на третий, самый верхний куб. Но пока он лежит на земле, а рядом сидит девушка в голубом платье и плачет. Я пытаюсь успокоить её, но что может сделать шестилетний мальчишка, который только-только начал ходить в первый класс?

Потом я ещё не раз был на мосту Лейтенанта Шмидта, ездил на трамвае вдвоём с мамой и один. Ходил, удравши от взрослых, и пешком. Уродских кубиков не было, был обычный заводской пейзаж.

Не знаю, что тянуло меня именно на этот мост. Я жил в Гавани, и до моста Лейтенанта Шмидта от моего дома был изрядный кусок пешком. То, что ездить туда на трамвае бесполезно, я понял очень скоро.

В принципе уродское строение иногда появлялось на привычном месте, и каждый раз его появление было апокалипсическим. Город горел, случались землетрясения, наводнения, цунами. Невозможно описать, как мутная двадцатиметровая волна идёт от Маркизовой лужи вверх по

течению Невы. Я уже знал, что когда неторопливая стройка будет закончена, золотой шар поднимут наверх, а девушку в голубом платье поставят на шар и обратят в каменную статую, это будет конец. Конец городу, людям его населяющими, конец всему. А я, единственный, знающий об опасности, рвался на проклятую стройку изо всех своих невеликих сил. Помню, как я бегал вдоль глухой железобетонной стены, огораживающей площадку, пытаясь найти хоть малейшую лазейку. В другой раз меня сбил самосвал, вывозивший строительный мусор. Несколько раз я тонул, и это было особенно скверно. Водоворот крутил меня, выжимая из смятых лёгких последние остатки воздуха; я ещё жив, но жить осталось меньше двух секунд. Кто, однажды испытав подобное, захочет повторения? Но я при всякой возможности бежал на мост, выискивая взглядом врага, хотя и понимал, что инициатива в его руках — не захочет, не покажется, хоть избегайся.

И, в конце концов, я прорвался в запретную зону. За прошедшие годы, а их просквозило немало, на площадке ничто не изменилось. Тот же мусор и грязь, также лежит подготовленный к подъёму золотой шар, а рядом, сидит девушка в голубом платье.

Я схватил её за руку:

— Бежим отсюда!

— Нельзя. Меня найдут и накажут.

— Я спрячу тебя так, что никто не сможет найти. А потом я разобью золотой шар, обрушу бетонные кубики, чтобы ты стала свободной.

Легко обещать такие вещи, гораздо труднее их исполнить. В городе девушку не спрячешь, метастазы адского строения проникли всюду, скрыться от них невозможно. А за пределами города… Со времени нашей первой и единственной встречи прошло немало времени. Мне уже двенадцать, а то и тринадцать лет, но что я знаю о мире за пределами родных дворов? Единственное место, где всё облазано и исследовано — садоводство на станции Пери. Там у моих родителей была дача, каждое лето я проводил там и знал в округе любой куст. Уж там-то не было недостатка в ухоронках, где беглянку не найдёт никто и никогда.

Я привёл её в самый потаённый уголок и попросил подождать несколько минут, пока я поставлю в известность родителей. Дело к ночи, весь день я шатался чёрт знает где и вдруг явлюсь с незнакомой девушкой, которую зачем-то надо прятать от неведомой опасности. Уж я-то знал своих родителей, их обстоятельные вопросы: где, зачем и почему… Вопросы, на которые я не умею отвечать, а у них уже готовы безжалостные

ответы.

Но вдруг — самые важные вещи всегда случаются «вдруг» — ответ появился и у меня: Потому что я люблю её!

Я счастливо избежал дурацких детсадовских влюблённостей; мол, вырасту и женюсь на Даше из средней группы, а то и на воспитательнице Анне Максимовне. Любовь обрушилась на меня серьёзно и бескомпромиссно, обрушилась по-взрослому в мои неполные тринадцать лет. Я не понимал, что делать, знал только, что мама, папа, бабушка и дедушка с их мнениями и вопросами не имеют сейчас никакого значения. Я должен быть рядом с той, чьего имени я так и не узнал.

Я заторопился назад к потаённой ухоронке и не нашёл в ней никого. Сама она ушла или её обнаружили подлые строители башни и уволокли, чтобы превратить в статую — не знаю. До утра я метался по окрестностям, но не нашёл никого. Утром, на первой электричке я зайцем помчался в город, на мост Лейтенанта Шмидта. Они не показались и там, ни в первый день и никогда потом. Не появились, сколько бы я ни ходил через мост. Я не сумел разрушить чёрный замысел, но вспугнул их шайку, и строители убрались в другое место, оставив Ленинград в покое. Но половинчатая победа меня не радовала, потому что вместе с врагами исчезла девушка в голубом платье, прекраснее которой нет на земле.

На этом рассказ можно было бы закончить. Но у него, словно у длинного романа, появился эпилог, без которого рассказ будет неполным.

Несколько дней назад писательская судьба занесла меня во Францию, в город Париж. Попавший за границу человек, если он не знает языков, чем-то напоминает рыбёшку, насаженную на кукан. Он двигается и даже, вроде бы, плывёт, но всё происходит помимо его воли. Плывёт, куда ведут, смотрит, на что велят. Так и я. Двадцать пятого июля две тысячи восемнадцатого года меня закинуло на смотровую площадку на пятьдесят девятом этаже башни Монпарнас. Я послушно восхищался красотами — а Париж с высоты действительно очень красив, позволил себе дипломатично возразить, что смотреть вниз не страшно, поскольку тут речь идёт не о высоте, а о расстоянии. Короче, был образцовым туристом. И вдруг — всё самое важное в жизни происходит «вдруг» — казалось меня ударили под сердце… дыхание перехватило, ноги подкосились…

— Что это?

— Дом инвалидов.

— А дальше, за ним?

— Мост Александра Третьего и Большой дворец возле.

— Нет, ещё дальше, два раза столько…

— Там ничего. Типовая застройка.

Они не видят! Мрачное серое здание, словно три кубика криво поставили друг на друга. Золотой шар то ли ещё не привезли, то ли я не могу разглядеть его с такого расстояния. Но не узнать страшное строение невозможно.

Что же делать? С пятьдесят девятого этажа не прыгнешь, а спустившись на лифте, не побежишь неведомо куда. Париж — огромный город, куда больше, чем Ленинград шестьдесят лет назад. Неисчислимое количество квадратных километров застройки, сотни улиц, тысячи домов. Где искать раковую опухоль, впившуюся в город? И захочет ли серое строение показаться чужаку, который уже гонял его когда-то?

Медленно обхожу смотровую площадку.

— Смотрите, дым! Его вы, хотя бы, видите?

— Да, дым. Скорей всего, какой-то завод. Вредные выбросы в атмосферу еще не уничтожены окончательно.

Несколько лет я занимался охраной природы. Так неужто я не отличу дым из трубы от пожара? Париж горит, но никому нет дела.

Я тоже бессилен. И не то беда, что я чужой здесь. С той поры, как я впервые увидел опухоль, убивающую города, незаметно просквозило шесть десятков лет, а для человека это много. У меня появилась жена, дети, внуки. Я не могу, как прежде, любить девушку в голубом платье, она осталась в далёком прошлом, куда нет возврата. Теперь мне остаётся ждать и надеется, что какой-то юный парижанин сумеет разглядеть проказу, разъедающую Париж, спасти свой город и получить награду, которой лишён я: самую прекрасную в мире девушку. Девушку в голубом платье.